

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-23-40

ЛЕОНИДУ СТЕПАНОВИЧУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 100 ЛЕТ

Кристиан Балью

Исследовательский центр TRADITAL (Исследовательский центр письменного и устного перевода, дидактики и автоматической обработки языка),
Свободный университет Брюсселя

Для контактов: christianballiu1@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося российского лингвиста и переводоведа Леонида Степановича Бархударова. Автор, Кристиан Балью, исследует вклад Бархударова в теорию перевода, подчёркивая его лингвистический и семиотико-семантический подходы. В работе рассматривается исторический контекст развития переводоведения в России, начиная с XVIII века, и сравнивается с западными традициями. Особое внимание уделено главному труду Бархударова «Язык и перевод» (1975), где он обосновал трансформационную модель перевода, сочетающую анализ и синтез языковых единиц. Статья также затрагивает проблему недооценки наследия Бархударова в западной науке и призывает к более глубокому изучению его идей.

LEONID STEPANOVICH WOULD HAVE TURNED 100 YEARS OLD

Christian Balliu

Research Center TRADITAL (Research Center for Written and Oral Translation, Didactics, and Automated Language Processing), Université libre de Bruxelles (ULB)

For contacts: christianballiu1@gmail.com

Abstract. The article celebrates the 100th anniversary of the birth of the prominent Russian linguist and translation scholar Leonid Stepanovich Barkhudarov. Authored by Christian Balliu, it explores Barkhudarov's contributions to translation theory, highlighting his linguistic and semiotic-semantic approaches. The study examines the historical context of translation studies in Russia, tracing its roots back to the 18th century, and contrasts it with Western

traditions. Special focus is given to Barkhudarov's seminal work "Language and Translation" (1975), where he proposed a transformational model of translation that integrates analysis and synthesis of linguistic units. The article also addresses the underappreciation of Barkhudarov's legacy in Western scholarship and calls for a deeper engagement with his ideas.

Введение

В России теория перевода имеет долгую историю. В отличие от многих теоретических моделей, особенно западных, которые начали появляться только в 1950-е годы, она уходит своими корнями в более далёкое прошлое.

В 1857 году историк литературы Лонгинов (Берков, 1965: 48–49) опубликовал в журнале «Современник» статью на тему *Переводы из Энциклопедии Дидро*, которые были изданы в Москве в 1767 году. Речь шла о 27 статьях из различных областей научных знаний, переведённых в ту эпоху. Лонгинов комментирует переводческие решения переводчиков и отбор источников. Можно сказать, что это уже были зачатки теории перевода. Другой большой эрудит — Штранге (Там же), который, на мой взгляд, является по-настоящему выдающимся русским исследователем истории перевода, малоизвестным в XX веке изучал связь между русским переводом «Энциклопедии Дидро» и развитием свободомыслия в рамках нескольких университетских курсов. В весьма интересной статье «Энциклопедия Дидро и её русские переводчики» Штранге рисует идеологический портрет русских переводчиков.

Наконец, невозможно переоценить влияние Михаила Ломоносова как на русский язык, так и опосредованно на перевод (Балью, 2015: 18–18). Когда в 1755 году Ломоносов написал первую «Российскую грамматику», его цель, равно как и цель Клода Фавра де Вожа во Франции, заключалась в том, чтобы описать русский язык и упорядочить его функционирование. Ломоносов стремился нормализовать русский язык (это стремление нашло отражение в его теории «трёх штилей») и в некотором смысле создать литературный русский язык. Ломоносов хотел запретить использование иностранных слов и варваризмов и выступал за русский язык, основанный на своей истории. Таким образом, Ломоносов косвенным образом касался перевода. Выступая против иностранных слов, он думал о иноязычном засорении языка как о возможном следствии перевода. Восхваляя величие русского языка, он *ipso facto* утверждал, что язык располагает всеми необходимыми ресурсами для перевода выдающихся произведений иностранной литературы. В терми-

нах теории перевода это призыв к целевому подходу — программе перевода, при которой происходит ориентация на получателя. В России XVIII век ознаменовался не только вступлением страны в эпоху нового времени, но и предвосхитил, хоть и довольно робко, рассвет переводческой мысли.

Первопроходцы российской теории перевода

Есть достаточно оснований заявить, что первый научный текст, в котором даётся теоретическое представление переводческой деятельности, восходит к 1919 году, когда была опубликована работа Корнея Чуковского «*Принципы художественного перевода*» (Балью, 2005: 935–936). Эта работа разделена на две части: первая часть была написана самим Чуковским и посвящена прозаическому переводу, а вторая была создана Гумилёвым¹, и в ней говорилось о поэтическом переводе. Эта работа носит не только теоретический характер, она также может смело называться настоящим пособием по переводу. Другими словами, следует обратить внимание, что прискорбного разрыва между теорией и практикой², так часто осуждаемого во Франции или в Бельгия, в этой работе нет.

Вот что говорит по этому поводу Эдмон Кари (наст. имя — Кирилл Зноско-Боровский), при этом не упоминая Гумилёва: «78 страниц работы Чуковского расширяют небольшой букварь, опубликованный им несколькими годами ранее. Работа имеет практический характер, почти эмпирический, тем не менее автор пытается обозначить некоторые основные идеи. Здесь нет догматики, это замечания и обобщения художника. Значительная часть исследования носит критический характер, автор выставляет на смех невежд, снобов, выскочек, не говоря уже о тех, кто читает по диагонали.

Одна особенность может поразить западного читателя. На этих страницах русский переводчик предстаёт перед нами как человек, который овладевал иностранными языками с помощью книг. Этот факт не относится к эпохе Советского Союза. Пушкин, который любил творчество Байрона, произносил английские слова на фран-

¹ Гумилёв, один из ведущих представителей акмеизма, выдающийся переводчик Рембо и Верлена, а также драматург и эссеист, был расстрелян в 1921 году, после чего канул в небытие. Его поэтическое произведение (ведь он был также поэтом и был женат на Анне Ахматовой) впервые было опубликовано в 1986 году в сборнике «Огонёк», приуроченном к столетию со дня его рождения. Сразу же после этого в 1987 году Клышко опубликовал его исследование о поэтическом переводе в сборнике о переводе. В моей библиографии я воздаю должное Гумилёву, упоминая об этом сборнике.

² По этой теме можно прочитать мнение Ладмирала (1979: 7).

цузский манер. Однако в исследовании Чуковского угадывается одна проблема: исчезновение охотно путешествующей старой прослойки интеллигенции, на замену которой пришли переводчики с меньшим кругозором, знающие за границу только по книгам» (1957: 182–183).

Эдмонд Кари, мягко говоря, осведомлён был не очень хорошо. Гумилёв не только обладал книжными познаниями в области иностранной, в частности французской, литературы, он бывал во Франции, где часто посещал поэтические круги. Кроме того, как справедливо отмечает Гарбовский, в издании 1919 года было не 78, а 35 страниц: «Шёл 1919 год. Недавно созданное издательство ‘Всемирная литература’ при Народном Комиссариате Просвещения издаёт для внутреннего пользования небольшую, всего в 35 страниц, брошюру ‘Принципы художественного перевода’. В брошюре две статьи, К. Чуковского и Н. Гумилёва, посвящённые принципам, правилам и некоторым ограничениям одного из сложнейших видов художественного творчества — художественного перевода в двух его ипостасях: перевод прозаический и перевод стихотворный» (2019: 36–37).

Вслед за Чуковским и Гумилёвым были опубликованы и другие теоретические работы. Не вдаваясь в подробности, которые выходят за рамки данного исследования, я бы хотел упомянуть работы Алексева (1931), Смирнова (1934), Столярова (1939), Финкеля (1939), Кашкина (1936 и 1954), Сердюченко (1948) и Морозова (1954); работы этих авторов обозначены в библиографии в конце статьи. Все эти работы посвящены художественному переводу и продолжают развитие принципов, заложенных в издательстве «Всемирная литература», созданном Горьким в 1919 году, за исключением работы Сердюченко, больше напоминающей патриотический манифест. Это далеко не полный список, но его достаточно, чтобы показать, что в Советском Союзе того времени существовала проблема научного определения понятия «перевод».

В то же время в Западной Европе, и в частности, во Франции, теория перевода ещё молчал³. Первые работы по теории перевода появились лишь в 1950–1960-е годы. Вначале робко, переводоведение заявило о себе публикациями Кари, которые носили довольно

³ Это не было историческим наследием. В XVII и XVIII веках во Франции начался рассвет настоящей чрезвычайно богатой теории перевода, но после Французской революции она впала в летаргический сон и пробыла в таком состоянии до своего возрождения в 1950-х годах. По этому вопросу см. работы д’Юльста (1990), Балляра и д’Юльста (1996), Балью (2002).

общий характер, однако именно благодаря им возникло новое поле для размышлений. Затем вышла работа Жоржа Мунена «Теоретические проблемы перевода» (1963), которая воспроизводила его диссертацию, защищённую в Сорбонне, и ознаменовала вхождение науки о переводе во французские университеты, равно как и стремление к эмансипации лингвистики.

Отставание французского и западного переводоведения

В первой половине XX века и сразу же после войны переводоведческую литературу на русском языке во Франции не читали: не было никакой потребности в научном изучении переводческой деятельности. Перевод там воспринимался как приложение к языкознанию и как простой способ проверки языковых навыков посредством традиционных для французского образования упражнений по переводу с иностранного языка на родной и с родного языка на иностранный. Данная традиция корнями восходит к изучению древнегреческих и древнеримских классиков и обязана своим происхождением системе педагогики иезуитов XVII века, у которых была практически полная монополия на гуманитарное образование во Франции. В этот период зародилась мода на подстрочный перевод, которую переняла Россия и в рамках которой перевод не существовал сам по себе, а лишь для того, чтобы подспудно познакомиться с оригиналом, т.е. перевод выступает инструментом.

Подобное полное подчинение перевода (и переводоведения) языкознанию объясняется следующим образом. В языкознании преобладающим направлением (в частности, в Германии) в XIX веке было «сравнительное» языкознание (определение говорит само за себя). Оно сформировалось как самостоятельная дисциплина в конце века и противопоставлялось социологии Дюркгейма. Подобный атавизм довлел ещё много десятилетий и препятствовал появлению социолингвистического подхода к переводу, воплощением которого в 1960-е годы стали работы Юджина Найды, а в 1970-е — Мориса Пернье. В самых значительных трудах по сравнительному языкознанию лингвистика не оставляла никакого места переводу. Бопп искал праязык (Ursprache), из которого возникли другие языки. Стайнер в эссе «После Вавилона» (1975) [В русском переводе книга вышла под названием «После вавилонского смещения» в 2020 г.] заявил о существовании почти мистического исчезнувшего первоязыка. Таким образом, перевод оказался в вечном долгу перед языкознанием.

Кроме того, ситуация объясняется и полной неосведомлённостью о том, что происходило в сфере перевода в Восточной Европе и, в частности, в Советском Союзе. По окончании Второй мировой войны произошло разделение на два блока, началась холодная война, что отнюдь не способствовало улучшению ситуации. Неосведомлённость продолжалась вплоть до начала 1990-х годов, когда информационный и культурный обмен между Западом и Советским Союзом стал более лёгким. В 1960-е же годы и так не слишком серьёзная заинтересованность лингвистов вопросами перевода ещё больше ослабла. Вот что писал Жорж Мунен в 1977 году: «[...] после 1965 года лингвисты перестают интересоваться вопросами перевода. Объяснение этому очень простое [...]. Всё потому, что к 1965 году спонсоры, которые мечтали использовать электронные вычислительные машины для автоматического перевода текстов, будучи реалистами (они, впрочем, провели оценку уже проделанной работы), [...] осознали, что, если автоматический перевод однажды и состоится, это будет очень, очень, очень нескоро».

Следовательно, спонсоры автоматически пришли к выводу, что финансировать исследования автоматического перевода не стоит, а лингвисты, которые перестали получать финансовые средства, вернулись к более привычным вопросам» (Мунен, 2003: 90).

Изначально (первая демонстрация состоялась в 1954 году) автоматический перевод (АП) был построен исключительно на лингвистической концепции, в основу которой были положены лексические соответствия, даже несмотря на то, что Уивер уже настаивал на том, что дословный перевод слишком ограничен и что необходимо учитывать контекст. В действительности первые исследования АП проводились не в целях развития лингвистики, а для шпионажа в разгар холодной войны. И в этой области Россия была первооткрывателем: следует упомянуть работы, о которых часто забывают, Арцруни и Троянского, которые в 1933 году (это была работа первопроходцев!) хотели запатентовать машинный перевод, который, к сожалению, так и остался лишь проектом. В 1964 году Ревзин и Розенцвейг представили свой труд «Основы общего и машинного перевода» (переведённый на французский язык в 1968 году в Институте перевода (ISTI) в Брюсселе Ж. Шантреном).

До 2000 годов можно насчитать лишь несколько редких работ на французском языке, посвящённых русскому переводоведению. В лучшем случае можно найти несколько эпизодических упоминаний об этом у Ж. Мунена в работе «Problèmes théoriques de la traduction — Теоретические проблемы перевода» .

«[...] А.В. Фёдоров, выделяя переводческую операцию с целью её научного изучения (и продвижения науки о переводе), в первую очередь утверждает, что она является лингвистической операцией, и считает, что любая теория перевода должна быть частью совокупности лингвистических дисциплин» (Фёдоров, 1963: 13).

Или единственная фраза у Мишеля Балляра в его замечательном труде «De Cicéron à Benjamin» — От Цицерона до Беньямина: «по аналогичной схеме А.В. Фёдоров во “Введении в теорию перевода” посвящает вторую главу основам истории перевода и его теорий» (Балляр, 1992: 15–16). Брайан Байер недавно во время представления докторской диссертации по современному русскому переводоведению (Дмитриенко, 2022) любезно заявил, что я был первооткрывателем в данной области, ссылаясь, в числе прочих, на мою статью «Tendances actuelles de la traduction en Union soviétique — Современные тенденции перевода в Советском Союзе», опубликованную в 1979. Также можно найти четыре других статьи на французском языке, но русских авторов, в специальном выпуске журнала *Meta* (1992), который был посвящён переводу в России. Лишь в 2000 году Т.И. Бодрова-Гоженмос написала большую работу в формате докторской диссертации, которая была посвящена русскому переводоведению в свете интерпретативной теории перевода (ИТП), предложенной в Парижской высшей школе перевода (ESIT, Париж).

Можно выдвигать иные объяснения, чтобы понять причины неосведомлённости о русском переводоведении. С одной стороны, безусловно, в области переводоведения обычно читают работы, написанные на своих рабочих языках, что является эпистемологическим самоубийством в науке, которая по сути является межкультурной. Таким образом, мы попадаем в тупик бесчисленных исследований в одной области и лишаемся возможности ознакомиться с вкладом других авторов. Кроме того, в переводоведении, как и в других науках, будь то гуманитарные или естественные науки, наблюдается тенденция к специализации, и мы сосредотачиваемся на всё более узких областях, из которых становится сложно выбраться — узкая специализация означает игнорирование целых областей знаний. В заключение, в отношении нашего конкретного объекта этого исследования не стоит забывать, что доступ к опубликованным в Восточной Европе работам был долго затруднён, вплоть до 1990 года, в связи с чем размах исследований был значительно ограничен.

Под сенью Учителя А.В. Фёдорова

Во Франции о русском переводе узнали, пусть и не в полной мере, благодаря Жоржу Мунену. Один из выдающихся лингвистов Франции XX века, известный итальянист, он ещё в молодости начал заниматься переводом, что и стимулировало его интерес к вопросам теории перевода, что и привело его к переводоведению. В частности, он переводил Данте, Петрарку, Савонаролу, Макиавелли и Умберто Сабу. В 1954 году Мунен опубликовал замечательную книгу «Dix-sept poètes italiens traduits» — Семнадцать переведённых итальянских поэтов, которая сегодня, к сожалению, забыта. Ещё менее известно, что он также пытался переводить Пастернака⁴; это было дерзким порывом, если вспомнить о музыкальности произведений этого писателя.

В то время упоминание о русском переводе во Франции ограничивалось одним автором — А.В. Фёдоровым, — который бесспорно явился знаковой фигурой послевоенного периода по целому ряду причин. Я вернусь к этому вопросу чуть позже. Ж. Мунен превозносит А.В. Фёдорова и причисляет его к великим отцам-основателям: «Добавлю, и это мой окончательный диагноз опытного доктора, добавлю, что хороший учебник, пользующийся популярностью, если его автор — Найда, это хорошо. Но два учебника — это лучше, ведь, кто слушает только один колокол, слышит лишь один звук, пусть даже это Найда. Но хорошо бы его уравновесить другим. В таком случае у вас будет выбор. Если вы славист, читайте А.В. Фёдорова. Впрочем, кажется, Фёдоров был переведён в Бельгии, и, вроде, переводили его на французский (здесь, в вашем Институте⁵. Слава Институту [ISTI]! правда, я никогда не видел этого экземпляра и поэтому пользуюсь вторым изданием А.В. Фёдорова на русском). Так что, если вы слависты, держите Найду по левую руку, Фёдорова — по правую» (Мунен, 2003: 100).

Успех Фёдорова во многом объясняется тем, что он своей книгой 1953 года «Введение в теорию перевода» воплотил лингвисти-

⁴ Дочь Жоржа Мунена поведала мне, что отец учил русский самостоятельно в машине, когда ждал свою жену, учительницу, у школы.

⁵ В 1968 г. Дересто и Сержан переводили «Введение в теорию перевода» Фёдорова (по изданию 1958 г.) в качестве выпускной работы в Высшем институте письменного и устного перевода (ISTI) Брюсселя. Я сделал частичный новый перевод этой книги в 1978 г. уже в рамках моей выпускной работы, выполненной в Институте (ISTI), которая называлась «А.В. Фёдоров и Г.Р. Гачечиладзе: к вопросу о переводимости (сравнительное исследование текстов)».

ческий поворот в переводе в бывшем Советском Союзе, отступив от господствовавшей до того времени литературной традиции и невольно создав две почти непримиримые школы: главы литературной школы (Антокольский⁶, Гачечиладзе и др.) теперь соперничали со сторонниками лингвистического подхода (Фёдоров, Реформатский, Рецкер ... и некий Бархударов). Более того, книга Фёдорова⁷ выходит за рамки собственно теории, поскольку она привела к созданию в СССР в 1956 году в Литературном институте имени А.А. Горького в Москве первой кафедры перевода с программами, основанными на научных критериях. В своей статье «Un siècle de traductologie russe» — Один век из истории российского переводоведения» Гарбовский прекрасно и подробно описал три основных периода в истории русской переводческой мысли (Гарбовский, 2019а: 99–117).

Вполне логично предположить, что если сторонники литературного подхода будут потихоньку отходить на второй план, то и в рамках лингвистического подхода появятся ведущие и второстепенные фигуры. Широкая известность Фёдорова отодвинула на второй план, по крайней мере в Западной Европе, такие большие таланты, как Комиссаров, Кашкин, Гак, Эткинд (хотя он занимался в основном поэтическим переводом), Ревзин, Розенцвейг, Рецкер, Швейцер и другие, включая некоего Бархударова.

Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на несколько недавних изданий из Западной Европы. В своей работе «Fedorov's Introduction to Translation Theory» — Введение в теорию перевода Фёдорова» Брайан Байер (2021) ни разу не ссылался на Бархударова, будь то в тексте, в ссылках или списке литературы. В труде «État des lieux de la traductologie dans le monde — Состояние переводоведения в мире» (2022) глава «Les Anciens et les Modernes. État des lieux de la traduction et de la traductologie en Russie — Древние и современные. Состояние переводоведения в России» также его не упоминают, как и такие ключевые фигуры, как Комиссаров, Гак, Ревзин и другие. Цель данной исследовательской работы — исправить эту несправедливость.

⁶ Павел Антокольский — один из талантливых и редко упоминаемых переводчиков. Его перу принадлежат переводы на русский язык с украинского и французского поэтических произведений Шевченко, Гюго, Элюара, Бодлера, Арагона, Аполлинера, Рембо и Кокто.

⁷ Для обсуждения теорий Фёдорова можно ознакомиться с моим очерком «Понятие переводимости в работах русских теоретиков XX века» (2008: 45–56).

Леонид Степанович Бархударов

Леонид Степанович Бархударов родился 12 марта 1923 году в Петрограде (нынешнее название города — Санкт-Петербург), два года назад исполнилось 100 лет со дня его рождения. Его отец был выдающимся лингвистом в области русского языка. Естественно, он начал филологическое образование в Ленинградском университете, однако не смог продолжить учёбу из-за начала Второй мировой войны (Великой Отечественной войны, как её называют в России). Сразу после окончания войны продолжал обучение в престижном Военном институте иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА)⁸, который находится в Ставрополе на Волге. В 1965 году он защитил диссертацию «Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка» и получил степень доктора филологических наук. В том же году Леонид Степанович уже преподавал в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза (МГПИИЯ), где он заведовал кафедрой перевода и грамматики. Очевидно, что сочетание этих двух кафедр объясняет его лингвистическую концепцию перевода, а также тот факт, что за семь лет до этого Фёдоров опубликовал второе издание «Введения в теорию перевода». Именно в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза⁹ он встретил Рецкера, Розенцвейга, Комиссарова, Чернова и Гончаренко, с которыми тесно работал. Разумно предположить, что знакомство с этими великими филологами и лингвистами повлияло на его лингвистическую концепцию перевода. Тем более, если это специалисты в области контрастивной лингвистики (Гак для французского языка, Комиссаров для английского и немецкого языков) или теоретической лингвистики (Швейцер, который был научным руководителем Комиссарова). Гарбовский (2020: 172) справедливо отмечает: Первые послевоенные выпуски этого института (Военного института иностранных языков Красной Армии) дали лингвистике и переводоведению плеяду выдающихся исследователей, чьи работы, опубликованные в 1960–70-е годы, легли в основу советского переводоведения¹⁰:

⁸ Институт был создан в 1940 г. и расформирован в 1956 г. (Гарбовский, 2020: 172).

⁹ Переводческий факультет был основан в 1942 году Московском институте иностранных языков, переименованный в Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза в 1964 году. В 1990 году институт стал МГЛУ (Московским государственным лингвистическим университетом).

¹⁰ Для обсуждения понятия «советское переводоведение» можно обратиться к моей статье «Cleps pour une histoire de la traductologie soviétique — Ключи к истории советского переводоведения», опубликованной в журнале *Meta* в 2005 г.

- «– Владимир Гак (1924–2004) «Практический курс перевода», 1962;
- Миньяр-Белоручев Р.К. (1922–2000) «Последовательный перевод», 1969;
- Вилен Комиссаров (1924–2005) «Слово о переводе», 1973;
- Александр Швейцер (1923–2002) «Перевод и лингвистика», 1973;
- Леонид Бархударов (1923–1985) «Язык и перевод», 1975.»

Леонид Степанович на протяжении длительного времени был также главным редактором знаменитого сборника «Тетради переводчика». Он умер в 1985 году в возрасте 62 лет, т.е. ровно 40 лет назад.

Однако главным, как мне кажется, является его научная деятельность, которая не получила, на мой взгляд, должной оценки. Вопреки поверхностным представлениям, Леонид Степанович отнюдь не автор одной работы. К этой выдающейся работе я вернусь позже, но важно не упускать из виду другие интересные тексты, которые он опубликовал задолго до этого. Уже в 1962 году, скорее всего, в рамках своей диссертации он опубликовал работу «Общелингвистическое здание теории перевода» — небольшой текст объёмом около десяти страниц, который, по его мнению, показывал связь между переводом и общей лингвистикой. В 1964 году он опубликовал работу «Процесс перевода с лингвистической точки зрения», в которой проводится та же идея. В этом же году вышла статья «О лингвистических соответствиях в поэтическом переводе», написанная на материале перевода И.А. Буниным поэмы «Песнь о Гайавате». В 1967 году появилась книга «Пособие по переводу технической литературы» (английский язык), написанная с Жуковой, Квасюком и Швейцером. Эти работы предвосхитили его шедевр — «Язык и перевод» (1975). В этом году исполняется пятьдесят лет со дня выхода в свет этой книги. Разумеется, именно в этой работе содержится суть его рассуждений о переводе.

Язык и перевод

Подобно «Курсу общей лингвистики» Соссюра, книга «Язык и перевод» была постепенно собрана на основе курса лекций, который Бархударов читал в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза. Выдвигая лингвистическую концепцию переводоведения¹¹, автор основывается на примерах из двух языков: русского и английского.

¹¹ Термин *traductologie* означает «тексты о переводе» (*logos*), в то время как русский термин переводоведение обращает нас к знанию, к науке: от старорусского

Уже в разделе «От автора» он отдаляется от главного на то время направления общей и сравнительной лингвистики, в частности, что касалось теории перевода: «[...] в настоящей работе пришлось уделить много места разъяснению позиции автора по семантическим проблемам, тем более, что принятая в работе точка зрения расходится с господствующей в современном языкознании (во всяком случае, с концепцией, принятой в большинстве работ, написанных у нас в Советском Союзе)» (1973: 2).

Цель книги ясно изложена в первой главе, посвящённой сущности перевода. Процесс перевода подчиняется трансформационной логике, которую, по всей вероятности, не отрицал и Найда в русле лингвистики Хомского¹² и её стремлению пробить брешь в господствовавшем в то время структурализме: «[...] термин «процесс» применительно к переводу понимается нами в чисто лингвистическом смысле, то есть как определённого вида языковое, точнее, межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке. Опять-таки, термин «преобразование» нельзя понимать буквально — сам исходный текст или текст оригинала не «преобразуется» в том смысле, что он не изменяется сам по себе. Этот текст, конечно, сам остаётся неизменным, но наряду с ним и на основе его создаётся другой текст на ином языке, который мы называем «переводом» в первом смысле этого слова (перевод как сам переведённый текст). Иными словами, термин «преобразование» (или «трансформация») здесь может быть употреблён лишь в том смысле, в каком этот термин применяется в синхронном описании языка вообще: речь идёт об определённом отношении между двумя языковыми или речевыми единицами, из которых одна является исходной, а вторая создаётся на основе первой» (Там же: 5).

Именно такой трансформационный (порождающий) подход допускает принцип проводимости (*traduisibilité*¹³), применимый к отношению между любыми двумя языками (Там же: 25). Очевидно, что части переводимого текста должны быть поделены на единицы перевода, отчасти в соответствии с идеями Вине и Дарбельне, изложенными в «Сопоставительной стилистике французского и

ведать (знать), фрагмент которого обнаруживается, например, в частице *ведь* современного русского языка.

¹² Бархударов ссылается на Соссюра и Хомского в разделе, посвящённом месту переводоведения среди других дисциплин (1973: 29).

¹³ Ж. Мунен занимался изучением этого понятия (на примере русского языка), которое он почему-то называет *traductibilité*, параллельно используя слово *intraduisible* (Мунен, 1963: 277).

английского языков» (1958). Таким образом, перевод относится к области макролингвистики, а точнее, к прикладному языкознанию.

Текст Бархударова не ограничивается, как может показаться при первом прочтении, представлением трансформационной модели перевода, основанной исключительно на семантике. Автор говорит о семиотико-семантической модели. Иными словами, на первое место выходит коммуникативный аспект. Таким образом, языковые соответствия уступают место смысловым эквивалентам. Следующий абзац разъясняет эту мысль:

«Сущность этой модели, в неформализованном виде, сводится к следующему: переводчику задаётся текст на том или ином языке (ИЯ), представляющий собой построенную по определённым правилам и несущую определённую информацию последовательность единиц, принадлежащих к данной знаковой системе (системе ИЯ). Задачей переводчика является преобразование этого текста в эквивалентный ему текст на каком-то ином языке (ПЯ). Понятие «эквивалентный» понимается в смысле «несущий ту же самую информацию», то есть имеющий то же самое семантическое содержание, хотя и отличающийся по способам выражения этого содержания» (Бархударов, 1973: 231).

Здесь мы можем наблюдать зарождающееся влияние функционализма, здесь подключается семиология, то есть наука, изучающая разнообразие системы передачи информации (конечно же включая невербальные). Развитие функционального подхода частично сдерживалось влиянием Барта (1966: 1–27), который сводил семиологию к «исследованию значимостей (а не к передаче) некоторых социальных феноменов» (Baudot et Tatilon, 1994: 22). А также сохраняющимся влиянием структурализма в 1960-е годы (я испытал это на себе во время учёбы в 1970-е), который сразу же всё свёл к лингвистике, обесценив исторический и диахронический подход. Конечно же, здесь мы непременно вспоминаем о московских и петербургских формалистах 1915–1930-х годов (Якобсон, Тынянов, Шкловский), которые, в свою очередь, оказали влияние на западный структурализм (в том числе и на Мартине).

Вопрос состоит в том, является ли структура уместной, то есть функциональной, что очень важно при переводе, так как и семиотика, и теория перевода неразделимы в том, что занимаются определением и описанием всего того, что представляет собой знак в письменном тексте, даже если этот текст не имеет исключительно литературного характера. Речь идёт, например, о недосказанности, об имплицитном, о символизме, подразумеваемом,

предполагаемом, внушаемом. Именно так Бархударов и определяет семантическую эквивалентность между исходным и переводящим языком: передача референциального, грамматического, прагматического, внутриязыкового и в особенности контекстуального и ситуативного значений. Одним словом, отнести Бархударова к русской лингвистической переводческой школой без каких-либо оговорок было бы упрощением: язык — это средство общения, которое допускает возможность экстралингвистического и ситуативного контекста.

В частности, по мнению Бархударова, модель перевода должна состоять из двух этапов: за этапом анализа должен следовать этап синтеза «[...] процесс перевода с этой точки зрения можно разложить на два основных этапа, соответствующих двум этапам в работе самого переводчика над переводимым текстом — этап анализа и этап синтеза. Сущность первого этапа заключается в понимании переводчиком значения (суммы или системы значений) исходного текста; сущность второго этапа — в выражении и того же значения (той же суммы или системы значений) средствами иного языка. Первое, то есть понимание, предполагает установление иерархии языковой системы — от морфемы (в некоторых случаях даже фонемы или графемы) до всего текста в целом. Второе, то есть пере-выражение понятого значения средствами иного языка, требует нахождения соответствующих единиц выражения того же значения на всех уровнях языковой иерархии в ПЯ» (1973: 232).

Как мы видим, многие понимают идеи Бархударова лишь поверхностно. К сожалению, некоторые современные научные исследования представляют собой пересказ неоригинальных работ на основе прямых рецензий одного автора на исследования другого или даже не прямых (посредством компиляций, индексов цитирования и комментариев вторичных источников) по той причине, что автор не знаком с языком, на котором написан оригинал, не имел к нему доступа или просто не хотел с ним работать. Таким образом, автору приписываются положения, которые не соответствуют ни глубине, ни сложности его идей. Его научное видение упрощается, и если ему не противоречат, то оно как минимум искажается. Это исследование — попытка хотя бы частично воспроизвести истинные положения концепции Бархударова.

Эпилог

Воздавать должное ушедшему автору — непростая задача. Мы рискуем неточно или неправильно передать его идеи, что может

искажить всю концепцию. Я предпочёл ещё раз прочесть основную работу Бархударова вместо нескольких публикаций, посвящённых ему (их не так много, особенно в Западной Европе и на французском языке, и зачастую в них мы находим лишь несколько косвенных упоминаний). Для того чтобы понять историогенез переводческой деятельности в Советской России, я принял решение проанализировать социальную и интеллектуальную среду, в которой она протекала. Я надеюсь, что рассмотрение идей Бархударова в соответствующем контексте привело к лучшему пониманию его концепции и приблизило нас к истине.

Моё исследование задумывалось с одной лишь целью — напомнить о том значении (во многом малоизвестном), которое имели для теории перевода той эпохи работы Бархударова, а также о теоретическом наследии, которое досталось нам. Особенно сейчас, когда труды авторов прошлого забываются, их значение принимается.

Такая дань уважения показалась мне очень уместной в 2025 году, на который приходится 40-я годовщина смерти Леонида Степановича. Кроме того, на этот год приходится ещё несколько памятных дат — 50-летие со дня публикации его труда «Язык и перевод», 20-летие Высшей школы перевода и 270-летие Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

*Перевод с французского
С. Аббасовой, Т. Головачевой, А. Матросовой, Г. Яковцева*

Список литературы

Алексеев М.П. Проблема художественного перевода // Сборник работ Иркутского государственного университета. XVIII. Иркутск, 1931. С. 157–173.

Антокольский П.Г. Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1986.

Бархударов Л.С. Грамматика английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960.

Бархударов Л.С. Общелингвистическое значение теории перевода // Теория и практика перевода. 1962. С. 8–14.

Бархударов Л.С. Процесс перевода с лингвистической точки зрения, конференция по вопросам теории и методики преподавания перевода. М., 1964.

Бархударов Л.С. О лексических соответствиях в поэтическом переводе. На материале перевода И.А. Буниным «Песнь о Гайавате». 1964. С. 41–60.

Бархударов Л.С. Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка, М.: Высшая школа, 1969.

Бархударов Л.С., Жукова Ю.И., Квасюк И.В., Швейцер А.Д. Пособие по переводу технической литературы. Английский язык, М.: Международные отношения, 1967.

Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка, М.: Высшая школа, 1975.

Бархударов Л.С. Язык и перевод, М.: Международные отношения, 1975.

Бархударов Л.С. Введение в трансформационно-порождающую грамматику английского языка. Учебное пособие, М.: МГПИИЯ, 1983.

Батюшков Ф.Д., Гумилёв Н.С., Чуковский К.И. Принципы художественного перевода. Статьи, 2-е изд., 1920.

Гак В.Г. Курс перевода. Французский язык (общественно-политическая лексика). М.: ИМО, 1962.

Гарбовский Н.К. 100 лет отечественной теории перевода (к 100-летию выхода в свет «Принципов художественного перевода» К. Чуковского и Н. Гумилёва) // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода. № 2, 2019. С. 36–49.

Кашкин И.А. Ложный принцип и неприемлемые результаты. О буквализме в русских переводах Ч. Диккенса // Иностранные языки в школе. 1936. № 2. С. 22–41.

Кашкин И.А. О методе и школе советского художественного перевода // Знамя. 1954. № 10. 152 с.

Клышко А.А. Перевод — средство взаимного сближения народов: сб. ст. М.: Прогресс, 1987.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М. 1973.

Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М.: Гослитиздат, 1954.

Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964.

Россельс В.М. В ателье переводчика. Тетради переводчика. М., 1936. № 3.

Сердюченко Г.П. Очерки по вопросам перевода. Нальчик, 1948.

Смирнов А.А. Перевод, Литературная энциклопедия. 1934. Т. 8.

Столяров М.П. Искусство перевода художественной прозы, Литературный критик, № 5–6, 1939. С. 242–254.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.

Чуковский К.И. Принципы художественного перевода. 1919.

Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1953.

Финкель А.М. О некоторых вопросах теории перевода // Научные записки Харьковского государственного института иностранных языков. 1939. Т. 1. С. 59–82.

Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.; Л.: Советский писатель, 1963.

Baer B. éd. (2021) *Fedorov's Introduction to Translation Theory*. London and New York, Routledge.

Ballard M. (1992) *De Cicéron à Benjamin*. Traducteurs, traductions, réflexions, Presses Universitaires de Lille.

- Ballard M. et D'hulst L.* (1996) *La Traduction en France à l'âge classique*, Lille, Presses universitaires du Septentrion.
- Balliu Chr.* (1978) A.V. Fedorov et G.R. Gatchetchiladze: problème de traductibilité (étude comparative de textes), mémoire de licence non publié, Institut supérieur de l'État de Traducteurs et Interprètes (ISTI), Bruxelles.
- Balliu Chr.* (1979) Tendances actuelles de la traduction en Union soviétique, Bruxelles: Équivalences. No. 10, 1–2, pp. 45–48.
- Balliu Chr.* (2002) *Les traducteurs transparents*, Bruxelles, les éditions du Hazard.
- Balliu Chr.* (2003) Louis Leboucher dit Georges Mounin. Textes inédits rassemblés et édités par Christian Balliu, Bruxelles, les éditions du Hazard.
- Balliu Chr.* (2005) Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique. Le prisme de l'Histoire, Meta, n° spécial consacré à L'histoire de la traduction, Montréal, Presses de l'Université de Montréal, vol. 50. No. 3, pp. 934–948.
- Balliu Chr.* (2008) Понятие переводимости в работах русских теоретиков двадцатого века. *Lectures Fédoroviennes*, 9e édition, coll. Traductologie universitaire, Faculté de Philologie, Université d'État de Saint-Pétersbourg, pp. 45–56.
- Balliu Chr.* (2015) La traductologie russe sous l'angle de la culture française. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, Université Lomonossov de Moscou, No. 4, pp. 4–33 (bilingue russe-français).
- Barthes R.* (1966) Introduction à l'analyse structurale des récits. *L'Analyse structurale du récit*. Communications. No. 8.
- Berkov P.N.* (1965) Histoire de l'Encyclopédie dans la Russie du XVIIIe siècle. *Revue des Études Slaves*. No. 44, 1–4, pp. 47–58.
- Bodrova-Gogenmos T.* (2000) *La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement) : ses apports et ses limites*, Paris, ESIT, Université de Paris III — Sorbonne Nouvelle.
- Cary E.* (1957) Théories Soviétiques de la Traduction. *Babel*. No. 3, 4, pp. 179–190.
- Dmitrienko G.* (2002) *La théorie linguistique de la traduction comme « programme de recherche » : profil disciplinaire épistémologique et institutionnel de la traductologie russe contemporaine*, thèse de doctorat en traduction, Université de Montréal.
- Deresteau R. et Sergeant A.* (1968) Introduction à la théorie de la traduction de Fédorov (éd. de 1958), mémoire de licence non publié, Institut supérieur de l'État de Traducteurs et Interprètes (ISTI), Bruxelles.
- D'hulst L.* (1990) Cent ans de théorie française de la traduction. De Batteux à Littré (1748–1847), Presses Universitaires de Lille.
- Gak V.G.* (1994–1995) *Traduction: art ou science?* Bruxelles, Équivalences, No. 24/2–25/1, pp. 5–17.
- Garbovskiy N.K.* (2019) *Un siècle de traductologie russe. Au cœur de la traductologie. Hommage à Michel Ballard (études réunies par Lieven D'hulst, Mickaël Mariaule et Corinne Wecksteen-Quinio)*, Arras, Artois Presses Université, coll. Traductologie, pp. 99–117.

Garbovskiy N.K. (2020) La traductologie russe : sa valeur réelle et mythique. Démythifier la traductologie (sous la direction de Christian Balliu et Françoise Wuilmart). Bruxelles: Équivalences. No. 47, 1–2, pp. 155–207.

Guister M. (2022) Les Anciens et les Modernes. État des lieux de la traduction et de la traductologie en Russie. État des lieux de la traductologie dans le monde, sous la direction de Florence Lautel-Ribstein et Olivier Dorlin, Paris, Classiques Garnier.

Ladmiral J.-R. (1979) Traduire: théorèmes pour la traduction, Paris: Payot.

Mounin G. (1954) Dix-sept poètes italiens traduits. Paris, *Cahiers du Sud*. No. 323, pp. 23–46.

Mounin G. (1963) Les problèmes théoriques de la traduction, Paris: Gallimard.

Mounin G. (1994) Travaux pratiques de sémiologie générale. Textes réunis et publiés par Alain Baudot et Claude Tatilon, Toronto, Éditions du GREF, coll. Theoria, No. 3.

Riffaterre M. (1971) Essais de stylistique structurale, présentation et traductions de Daniel Delas, Flammarion, Paris.

Rozenzveig B.Ju. éd. (1992) La traduction en Russie. Théorie et pratique, Montréal: Meta. Vol. 37, No. 1.

Vinay J.-P. et Darbelnet J. (1958) Stylistique comparée du français et de l'anglais, Paris: Didier — Montréal: Beauchemin.